

Неверович Галина Александровна

ХРОНОТОП ДЕТСТВА В ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ

В статье исследуется мир детства, выделяются индивидуально-авторские особенности художественного воплощения хронотопа детства как неотъемлемого компонента построения картины мира в деревенской прозе. Для анализа хронотопа детства определены ценностные характеристики времени и оппозиции пространства, раскрывается их художественная специфика, заключающаяся в мотиве памяти детства (В. Астафьев), в детских судьбах (В. Белов), в образе дома, метафорически вобравшего в себя все самое дорогое (Ф. Абрамов).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 1. С. 49-51. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Неоплатонизм, как и архаическая мифология, строится на бинарных оппозициях и изначально предполагает некую раздвоенность, разрыв между идеалом и его земным воплощением, эйдосом и его тенью. С каждым более низким уровнем воплощения потенция Единого становится всё слабее, но природные стихии продолжают свою активность, даже оторвавшись от его лона. Линхорст и Лиза сохраняют свои магические способности даже в царстве материи.

Таким образом, структурная модель волшебной сказки активно совмещается в новелле с философскими мифологемами неоплатонизма. Время новеллы в целом воспроизводит линейную модель исторического развития, опирающуюся на концепцию постепенного угасания Единого. Временной поток Атлантиды, напротив, тяготеет к цикличности и представляет собой во многом идеализированное прошлое или потенциально возможное для человечества будущее. Пространство «Золотого горшка» также неоднородно и восходит как к платоновской космологии, так и к сказочному дуализму с его делением на потустороннее и посюстороннее.

Несмотря на устремленность к этиологии и частично к эсхатологии, неожиданные превращения и резкие повороты событий, свойственные мифу, хронотоп «Золотого горшка» содержит в себе многие черты классической волшебной сказки. Как и в фольклорных вариациях, жизнь героя ограничивается в новелле одним возрастным этапом, с сопутствующими ему предбрачными испытаниями, после которых Ансельм обязан вступить в род своей жены.

При всей своей структурированности, пространственно-временной континуум «Золотого горшка» лишен однозначности, отчетливо демонстрируя диалектику, мерцание потустороннего и посюсторонних миров. Это обусловлено, в том числе, постоянной текучестью картины мироздания Гофмана, которая всё время меняется под воздействием природных стихий.

Гофмановский космос, так же, как и космос Платона, рождается из брака материального и идеального. Эта «диалектика мифа», берущая своё начало ещё в пралогическом мышлении, легко эксплицируется в новелле через образ золотого горшка, объединяющего в себе телесную и бестелесную природу, идеальное и вещное, огненную лилию как символ высшего бытия и царство материи, «первобытную земную силу», из которой она и произрастает.

Список литературы

1. Гофман Э. Т. А. Библиотека мировой новеллы. М.: Звонница, 2000. 343 с.
2. Султанов Ш. З. Плотин: Единое: творящая сила созерцания. М.: Молодая гвардия, 1996. 426 с.
3. Фёдоров Ф. П. Время и вечность в сказках и каприччио Э. Т. А. Гофмана // Художественный мир Э. Т. А. Гофмана. М.: Наука, 1982. С. 81-106.
4. E. T. A. Hoffmann: *Leben, Werk, Wirkung*. Berlin – Boston: De Gruyter, 2012. 673 S.
5. Negus K. E. T. A. Hoffmann's Other World. Romantic Author and his New Mythology. Philadelphia, 1965. 183 p.

SPATIAL-TEMPORAL CONTINUUM OF “THE GOLDEN POT” BY E. T. A. HOFFMANN: BETWEEN NEO-PLATONISM AND MYTH POETICS

Kotaridi Yuliya Georgievna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
a-a-s@yandex.ru

The article reveals the structural peculiarities of the romantic short story by E. T. A. Hoffmann “The Golden Pot” directly going back to ancient Neo-Platonism. The spatial-temporal continuum and symbolic range of the text actualize Plotinus’ model of the gradual fading of the One. Hoffmann’s aspiration for the creation of his own myth-poetic universe conditions not only the use of philosophical mythologemes in the short story, but also referencing to folklore sources.

Key words and phrases: Romanticism; Neo-Platonism; myth poetics; archaic fairy-tale; chronotopos.

УДК 821.161

В статье исследуется мир детства, выделяются индивидуально-авторские особенности художественного воплощения хронотопа детства как неотъемлемого компонента построения картины мира в деревенской прозе. Для анализа хронотопа детства определены ценностные характеристики времени и оппозиции пространства, раскрывается их художественная специфика, заключающаяся в мотиве памяти детства (В. Астафьев), в детских судьбах (В. Белов), в образе дома, метафорически вобравшего в себя все самое дорогое (Ф. Абрамов).

Ключевые слова и фразы: деревенская проза; хронотоп детства; оппозиции: свой – чужой, внешний – внутренний, замкнутость – разомкнутость; ценностные характеристики времени: цикличность, линейность и обратимость.

Неверович Галина Александровна

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
nevgalina@gmail.com

ХРОНОТОП ДЕТСТВА В ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ

Образ детства обладает сильным эмоциональным воздействием, поэтому в своем творчестве Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Белов для передачи всей силы трагедии взрослого человека, связанной с разрушением деревни,

обращаются к трудному, но светлому миру детства, а память о нем изображается как путь к духовному спасению. Несомненно, что детство в художественном мире деревенской прозы имеет огромное значение. Оно является той точкой, от которой начинается повествование, чтобы придать цельность изображению жизни героя. В индустриальном XX веке писатели остро осознают деревенское детство человека как нравственный стержень его жизни. Образ ребенка создается в соответствии с семейными традициями народа: детская жизнь воспринимается как естественное продолжение рода. В произведениях деревенской прозы образ ребенка – это и обращение писателя к художественному осмыслению своей жизни в пространстве деревни и России.

Обратимся к исследованию хронотопа детства в произведениях В. Астафьева «Последний поклон», В. Белова «Привычное дело», Ф. Абрамова «Братья и сестры». В исследовании «Русская деревенская проза: светлое прошлое» К. Партэ утверждает, что «можно даже говорить о “хронотопе Детства” как одной из доминант деревенской прозы» [2, с. 41].

Хронотоп детства как неотъемлемый компонент построения индивидуально-авторской картины мира писателя, способствует более глубокому постижению внутреннего мира героев деревенской прозы. Рассматривая типологию героев деревенской прозы, А. Большакова называет место образа ребенка «промежуточным» между типом «традиционного человека» и «вольным человеком», наделяет его «возможностью обновления народного характера» [Там же, с. 350]. Отмечает исследователь и то, что образ ребенка появляется в паре с образами взрослых героев, что обуславливает появление «двойного взгляда» повествователя.

В сюжетном пространстве деревенской прозы хронотоп детства (во *временном аспекте*) тесно связан с хронотопом деревни (в *пространственном аспекте*). При целостном осмыслении текста, включающем исследование духовной жизни героя, *детство* приобретает хронотопическое значение *состояния* души взрослого человека, отчасти ностальгии об утраченном Рае. Субъектом концепта детства, а значит и третьей координатой хронотопа детства является образ ребёнка. Идея ценности детских лет жизни не подлежит сомнению, поэтому каждый писатель реализует свой путь художественного осмысления и реконструкции его в тексте произведения.

Художественное пространство деревенского детства конкретно определено. Это реально существующие деревни. Столь же конкретно указывается в тексте возраст детей. Очевидно, что взгляд автора, созерцающего из настоящего на прошлое, меняется. Он может находиться в позиции извне или изнутри повествования, но при этом всё происходящее в детстве оценивается с позиции настоящего, современного автору времени. Образ ребенка наделен смыслом будущего, но ценностью его жизнь является в настоящем времени. Подчас изменение пространства детства в тексте подчинено не столько авторскому замыслу, сколько определено процессом естественного роста ребенка, заложенного самой природой. От зыбки до сенокосного луга за деревней расширяется событийное пространство произведения. При этом художественное время детства сопряжено с весной и летом, как символами роста в мире природы, и осенью, как порой сбора урожая и началом обучения.

Пространственные и временные координаты хронотопа детства в прозе Астафьева, Абрамова, Белова легко узнаются и поддаются сопоставлению по наличию в повествовании *биографического, семейного, природного* времени; пространственной оппозиции *свой – чужой, далекий – близкий, внутренний – внешний*. Хронотоп детства в тексте часто предстает в смысловой оппозиции «*замкнутости – разомкнутости*», связь пространства и времени определяется такими ценностными характеристиками как *циклическость, линейность и обратимость*. Хронотоп детства в деревенской прозе наделен «сюжетообразующим» значением [1, с. 182].

Мотив «вечного возвращения» героя в деревню, в детство доминирует в романе В. Астафьева «Последний поклон», являясь сюжетным центром произведения [2, с. 387]. Мир детства изображается писателем как замкнутое пространство, существующее, прежде всего, внутри самого автора. Циклическое, замкнутое, оно бесконечно, а поэтому сохранно и востребовано им всю жизнь. Прокручивая внутри себя детские годы, взрослый человек извлекает новые смыслы из событий прошлого для того, чтобы справиться с современной жизнью, сохранить себя в самые тяжелые дни. Прочность детских воспоминаний противопоставлена хрупкости самой жизни мальчика (болезнь, близость смерти). Память детства хранит в себе всю силу и значимость нравственных устоев деревенской жизни, важных, прежде всего, для самого человека, а не для мира в целом. Никакие утраты в реальной взрослой жизни не способны сломить нравственный стержень, заложенный в детстве бабушкой. Жизнь героя, словно колесо по деревенской дороге, катится и скачет, а осью этой жизни является детство. В романе В. Астафьева происходит слияние всех времен в одной точке того события, которое происходит с героем. Здесь есть прошлое, настоящее, будущее. Такая спираль времени вращается в повествовании, постоянно меняя места героя и автора. И важно, что память детства для писателя – это не уход в прошлое, а осмысление настоящего, возвращение к себе, которое происходит постоянно. Этому подчинена форма произведения: роман естественным образом распадается на рассказы, как целостные картины детства.

Несколько иное пространственно-временное решение мира детства в повести В. Белова «Привычное дело». В главе «Детки» автор указывает возраст всех детей Ивана Африкановича, место, которое занимает ребенок в семье. Изначально мир детства замкнут в пространстве зыбки и дома, постепенно происходит его расширение: двор, улица, река, школа, город. Крайними точками пространства мира детства в повести являются младенец Иван, лежащий в *своем* замкнутом пространстве люльки и избы, и старшая дочь Татьяна, живущая в *чужом* городе «в няньках». В семье есть три дошкольника и три школьника. Школа представляется как проекция линейности времени и пространства детской жизни. Если изображению детской жизни присуща временная последовательность событий, то циклический и последовательный жизни родителей связана с этапами роста детей: от рождения до взросления. Личное родительское время Катерины и Ивана Африкановича бежит незаметно на фоне жизни детей. У Катерины оно земное, насущное, настоящее, замкнутое на доме.

А у Ивана Африкановича восприятие времени философское, внешняя разомкнутость дана в изображении действий героя, которые он совершает вне дома: во дворе, в поле, в лесу. При этом В. Белов показывает сходство внутреннего мира двух Иванов, отца и младенца, как двух крайних возрастов в пространстве одной семьи. Так в повествовании раскрывается оппозиция возможной *обратимости* времени во внутреннем пространстве, в душе человека, согласно библейскому обращению «будьте как дети». Автором подмечена трагичная невозможность *обратимости* времени в реальности. Нельзя сыну Анатошке остаться в деревне для работы по дому, школа важнее, а значит, надо уезжать из *своего* дома. Старшая дочь Татьяна вместо того, чтобы нянчиться с младшими братьями, занимается хозяйством, но в *чужом* доме в городе. Со смертью матери разрушается целостность *своего* мира семьи и мира детства, пространства дома. Время жизни детей и Ивана Африкановича приобретает новую точку отсчета – «до и после» смерти матери. Без материнского начала распадается уклад жизни большой семьи, нет сердечного центра, а значит, некуда возвращаться, над *своим* (дом, деревня) доминирует *чужое* (город, интернат). Хронотоп детства приобретает трагический смысл *необратимости*, разорванности. В изображении мира детства происходит смысловое усиление оппозиций *близкий – далекий, внутренний – внешний*. Согласно возрасту героев повести мир детства должен быть для них в реальности *внешним и близким*, но после смерти матери он становится *далеким и внутренним* с горьким отсветом земного сиротства, что ещё не осознается детьми, но чувствуется автором.

В тетралогии Ф. Абрамова хронотоп детства имеет свое художественное решение. В первом романе «Братья и сестры» рассказывается о детстве главных героев тетралогии Егорши, Михаила и Лизки, младших детей семьи Пряслиных. Повествование о детстве ведется последовательно и хронологично, пространство определено конкретными рамками – дом, двор, деревня. К детству главных героев писатель обращается для того, чтобы показать их раннее взросление. А затем расстается с этим временем, как с прошлым, давшим свой результат и не требующим переосмысления. Авторская прямолинейность отражается в выборе художественных приемов изображения детства. Сам период детства наделен социальным звучанием, свойственным для писателя. Историческое время произведения включает в себе антиценность детства. Война – трудное время выживания не только для детей, поэтому значимо не само детство, а – преодоление. У взрослых героев Ф. Абрамова не возникает эмоциональной потребности в *обратимости* времени детства. При этом особую значимость приобретает координата пространства, заключенная в оппозиции *свой – чужой*. Так возникает «мотив возвращения» в *свое* пространство из *чужого* в изображении болезненного Григория и угрюмого Петра, приходит в деревню письмо от Федора, брата-бандита. Детство у Ф. Абрамова так сопряжено со взрослой жизнью, что ни на мгновение не является беззаботным временем, становясь этапом жизни, ограниченным во времени и пространстве, эмоциональные смыслы которого исчерпаны в настоящем времени, уже ставшим прошлым. И только пространство деревенской избы как символ детства и Родины, оставаясь для героев *своим*, связано со временем детства. Внешняя разомкнутость хронотопа детства в конце повествования смыкается во внутреннем пространстве родного дома.

Деревенское детство в произведениях В. Белова, В. Астафьева, Ф. Абрамова является потенциалом не просто будущей жизни, но и будущей трагедии взрослого человека, входящего в XX веке в конфликт с реальностью, разрушающей его внутренний мир. Спасением становится память детства, хранящаяся внутри человека (В. Астафьев), в детях (В. Белов), метафорически воплощенная в образе дома (Ф. Абрамов).

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 300 с.
2. Большакова А. Ю. Крестьянство в русской литературе XVIII-XX вв.: пособие для педагогов. М.: Изд-во Ин-та социально-педагогических проблем сельской школы РАО, 2004. 420 с.
3. Партз К. Русская деревенская проза: светлое прошлое / пер. И. М. Чеканниковой и Е. С. Кириловой. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. 204 с.

CHRONOTOPOS OF CHILDHOOD IN THE VILLAGE PROSE

Neverovich Galina Aleksandrovna
Northern (Arctic) Federal University
nevgalina@gmail.com

The article examines the world of childhood, individual and author's peculiarities of the literary chronotopos of childhood as an integral component of the formation of the picture of the world in the village prose are highlighted. For the analysis of the chronotopos of childhood the value characteristics of time and space opposition are defined, their literary specificity consisting in the motive of childhood (V. Astafyev), in the child's fates (V. Belov), in the image of home, metaphorically absorbing in it all the dearest. (F. Abramov) is revealed.

Key words and phrases: village prose; chronotopos of childhood; oppositions: one's own – another's, external – internal, closedness – open condition; value characteristics of time: cyclic character, linearity, reversibility.